

Е. Г. Михайлева,
доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии ХГУ «НУА»

Монументализм высшей школы versus адаптивность ее внешних стейкхолдеров: как найти баланс

Общепризнанно, что образование является достаточно устойчивым и в силу этого консервативным (традиционалистским) институтом общества. Благодаря тому, что он выполняет свои функции, удовлетворяя базовые потребности общества, некоторым образом консервируя его, оно сохраняет свою целостность и продолжает развиваться. Выступая некоторым базисом, на котором потом вырастают инновационные знания и решения, оно время от времени попадает в волну критики о несоответствии современным тенденциям развития общества.

Вот так, традиционализм, создавая фундаменты, потом сам попадает под угрозу разрушения (которую, собственно говоря, еще никому не удавалось осуществить). Особенно данный тезис является актуальным для высшего образования, так как именно в его структуре максимально задействованы все субъекты (как внешние, так и внутренние), которые оказывают то или иное влияние на механизмы поддержания или разрушения монументализма образования.

С научной точки зрения, монументализм – одна из характеристик культур, которую использовал Г. Ховстеде для описания различий организаций, функционирующих в разных странах [1]. Он предложил описывать их с точки зрения того, насколько они готовы отстаивать (и отстаивают) базовые принципы своей деятельности, несмотря на то, что происходит во внешней среде организации. В системе различных измерений организационной культуры этот показатель занимает свое место, позволяя описывать организации и их культуры.

Однако, с нашей точки зрения, можно говорить о том, что на макроуровне существуют не только феномены национальной и организационной культур, изучению которых посвящено достаточное количество исследований, но и

выделяется уровень институциональной культуры, который отражает ключевые принципы, ценности, нормы, символы и т.д. социальных институтов. Ведь не для кого ни секрет, что при всей их идентичности в структуре, ряде выполняемых функций, между ними существуют принципиальные различия, в том числе и в сформированных элементах институциональных культур.

И вот как раз с этой точки зрения и можно говорить о монументализме образования в целом, и высшего образования в частности. Это означает, что образование в меру отстаивает принципы и цели своего функционирования, сохраняет (при всех новых веяниях и тенденциях) свой базовый образ института, несущего в общество благо.

Однако внешняя среда высшего образования не всегда поддерживает этот монументализм. И причиной тому – несколько иная целевая направленность деятельности ее элементов. Часть из них прямо или опосредовано выступают стейкхолдерами образования, а значит, имеют свои интересы в его рамках. Да, есть стейкхолдеры, которые также монументалистичны, как и образование – государство представляет в основе своих позиций скорее традиционалистский подход к функционированию института образования, так как является и регулятором его функционирования, и гарантом будущего развития всех субъектов участвующих в этих процессах.

Но... Подавляющее большинство стейкхолдеров имеют весьма прагматические интересы, одним из инструментов реализации которых и выступает образование. В такой интерпретации важно понимать, что смена ситуации влечет за собой смену либо интересов, либо инструментов их реализации. А отсюда и разное восприятие образования на разных этапах жизнедеятельности общества.

Более того, прагматизм большинства внешних стейкхолдеров образования определен целью их деятельности, связанной с получением выгоды, в том числе и от отношений с институтом образования. При этом мы имеем в виду любые проявления выгоды от отношений в любой форме проявления.

Получение выгоды, прибыли – одна из основных характеристик внешних стейкхолдеров образования, а это означает, что изменения в социально-экономических, политических, национально-культурных, правовых и других направлениях жизнедеятельности общества стимулирует их адаптивность, способность быстро меняться под сложившиеся обстоятельства. И здесь возникают некоторые противоречия между монументализмом образования и адаптивностью его внешних стейкхолдеров.

Прежде всего, если мы исходим из позиции, что образование все-таки инструментально для подавляющего большинства внешних стейкхолдеров, то его «полезность», заинтересованность в нем будут меняться в пространстве и во времени. А это означает, что образование, традиционно находящееся на содержании стейкхолдеров, вынуждено развиваться рывками в своем развитии: то ускоряясь, то замедляя свой ход. И здесь актуализируются потребности не в его изменении, а в соответствующего типа менеджменте, который, сохраняя монументальность образовательных институций, использует ситуацию для развития его отдельных секторов и команд.

Кроме того, необходимо понимать, что высшее образование в какой-то степени само готовит себе стейкхолдеров. Оно выпускает из своих стен тех, кто завтра поворачиваются к нему с другим кругом интересов. И становится понятно, почему взгляд выпускника на эти «постобразовательные» отношения другой, нежели у учебного заведения.

Представителям образования кажется, что это невежество, что каждый, кто прошел обучение в Alma mater, обязан ей. Да. Безусловно. Но нужно понимать и то, что за пределами университетов интересы выпускников меняются, и образование переходит в категорию инструментов достижения иных жизненных целей. И оценка эффективности этого инструмента уже относится к зоне приоритетов стейкхолдера, а не университета. Более того, само образование призвано готовить специалиста с высоким адаптационным потенциалом, сразу помещая его в рамки существующей модели успешных стейкхолдеров.

Но было бы бессмысленно оспаривать тот факт, что образованию в целом, и высшему образованию в частности, нужно меняться – быть гибкими в рамках монументальности, достигать свои цели, опираясь на самостоятельно созданные уникальные для общества инструменты и методы. И здесь возникает еще одно противоречие-вопрос: «Кто – внешние или внутренние стейкхолдеры – способны изменять высшую школу?». Ведь, следуя логике нашего рассуждения, внутренние стейкхолдеры, находясь внутри монументализированной институциональной культуры, следуя ее нормам и принципам, просто не способны сделать это. А внешние, не зная механизмов функционирования образования, могут обеспечить не только обновление, но и разрушение.

Ответ, как кажется, очевиден – взаимодействие на правах равных. Ведь не секрет, что современное образование не только является объектом требований со стороны внешних стейкхолдеров, которые ждут от нее помощи в достижении своих целей, но и часто само ждет чего-то от них, пребывая в состоянии ожидания «даров». Иногда монументализм образования также переходит в иерархичность и бюрократичность, что снижает потенциал образования в этом взаимодействии.

В высшем образовании существует огромный потенциал, который может, не ломая традиционного монументализма, обеспечить инновационность при взаимодействии с внешними стейкхолдерами. Залог этого – соответствующий менеджмент, акцент на создание команд, а не организационных структур и должностей. Причем команд миксованных, а не просто внутренних. С пониманием, что интересы стейкхолдеров всегда будут различны и никогда не универсализируются, особенно под критерии образования.

И все-таки образованию нужно научиться быть впереди, опираясь на достижения прошлого.

Список использованных источников

1. Hofstede G. Organisational Culture [Электронный ресурс] / G. Hofstede . – Режим доступа: <https://geert-hofstede.com/organisational-culture.html>

Сведения об авторе

Михайлева Екатерина Геннадиевна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия»